

Мы помним,

гордимся,

благодарим.

VII областной конкурс IT-проектов «В единстве – наша
сила!»

Номинация «Мы помним»

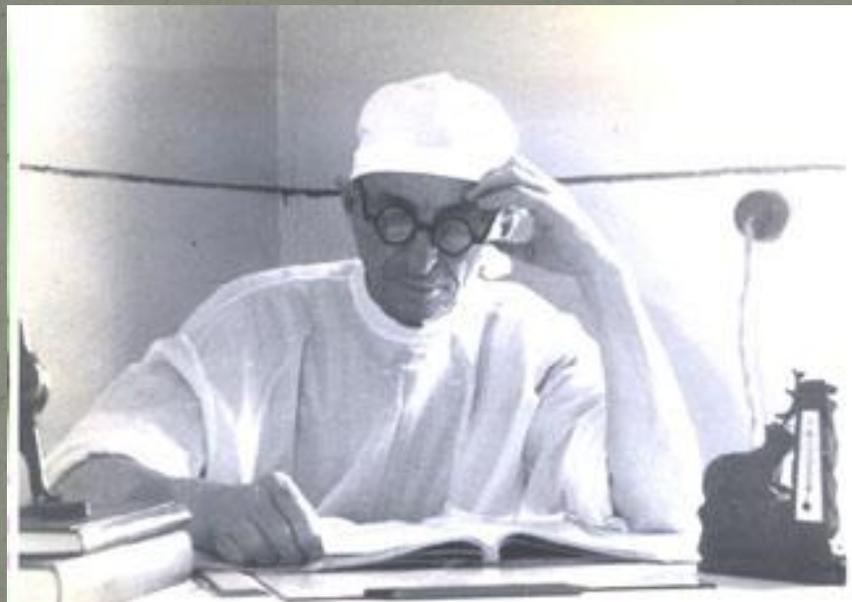
Название конкурсной работы: "Жизненный путь Покровского
Николая Александровича, легендарного земляка, спасшего
сотни жизней.

Муниципальное учреждение дополнительного образования
«Шекснинский дом творчества»

Работу выполнил:
Никифоров Даниил Евгеньевич

Руководитель:
Логинова Мария Евгеньевна

Именем доктора Покровского названа одна из шекснинских улиц. Каким он был – наш легендарный земляк, спасший сотни жизней.

Высокий, подтянутый, в белом халате и колпаке, глубокие морщинки на лбу. Взгляд задумчивый, устремлённый в больничный журнал сквозь круглые очки в тёмной оправе... О чем думает доктор, засидевшись допоздна в своём кабинете?

Николай Александрович Покровский родился в семье священника в 1902 году в древне Коркуч. Тогда это был Шольский район, а ныне территория Вашкинского района Вологодской области. Окончив гимназию, он пошел по стопам отца и поступил в семинарию, однако через год решил поменять учебное заведение и стал студентом фельдшерского медицинского училища. Ещё в годы учёбы он начал работать в туберкулёзном диспансере, зарабатывая самостоятельно себе на жизнь.

С дипломом фельдшера-акушера он вернулся в родной край и стал работать в Липином Бору. Однако желание развиваться дальше в 30 лет привело Николая Александровича в Ленинградский Первый Санитарно-гигиенический институт на факультет «Лечебное дело».

Получив профессию фельдшера-акушера, Покровский приехал работать в Липин Бор. Однако желание стать врачом было огромным – и вот уже тридцатилетним Николай Александрович поступает в Ленинградский Первый Санитарно-гигиенический институт на факультет «Лечебное дело».

С фотографии 1937 года смотрит на нас пятикурсник Покровский: пиджак, белая рубашка, строгий галстук, аккуратная стрижка, видимо, по тогдашней моде, – во всем чувствуется собранность и самодисциплина. Но главное – целеустремленный взгляд. Этот человек готов к труду, готов к служению, к которому он сам себя призвал. Да ведь и сама эпоха – это эпоха колоссального труда (а не только репрессий), колоссальных свершений.

Настоящей школой для Покровского стала Великая Отечественная война. 5 сентября 1941 года его вызывают в военкомат – фронту нужны врачи, хирурги. Покровского назначают начальником фронтового госпиталя. В «сороковые, роковые» на его счету более 10 тысяч операций! Вот, думается, где вырос врач Покровский как хирург-практик. Кстати, на войне был эпизод, когда встретились две шекснинские легенды. В 1944 году на операцию к Покровскому принесли раненого в бессознательном состоянии. Операция прошла успешно. В 1946 году врач и бывший его пациент встречаются уже в Шексне – пациентом этим был Герой Советского Союза Алексей Павлович Сапожников.

Шексну он выбрал из нескольких районов, предложенных ему в областном отделе здравоохранения.

Что представляла собой шекснинская больница? Четыре деревянных здания. В первую же неделю Покровский переоборудовал одну из палат под операционную (хирурга в Шексне не было уже лет 10, как не было и операционной). Начал оперировать. Вторник и пятница – плановые операции. По три-четыре операции в день, в зависимости от сложности. В другие дни врач принимал амбулаторных больных. А ещё успевал заниматься ремонтом здания бывшего эвакогоспиталя, и на лошади ездить в отдаленные деревни и лечить больных.

Покровский не только ремонтировал старые постройки, но занимался и строительством. При нём были построены здания женской и детской консультации, новая амбулатория. А в ней появилась возможность разместить и новые службы – рентгенкабинет, физиокабинет, зубопротезный кабинет, лабораторию. Позднее были также построены санэпидемстанция, прачечная, гараж и четыре жилых дома для медработников. Да плюс еще к двухэтажному зданию хирургии сделана пристройка, равная ему по площади.

Те, кто работал рядом с ним, только и удивлялись: и откуда у него столько энергии? Встает в 4 утра, идет на колодец, умывается чистой холодной водой, а с 7 утра – уже в больнице. Прием, операции, строительство, встречи – много дел у главного врача! Днем, с 14 до 16, отдыхает дома. А потом до одиннадцати-двенадцати вечера – опять в больнице. Спал по 3-4 часа в сутки.

В первую же весну Покровский вместе с медперсоналом больницы разбил сад, посадив яблони и вишни. Посадили и клубнику – специально для детского отделения. Картошка, капуста, редиска тоже росли на больничном огороде. Главный врач сам показывал, что как правильно сажать. «Капусту сажают обязательно в кашу», – выкапывает лунку, смачивает почву, чтобы образовалась каша – сажит зернышко, засыпает сухой землей. Он учил всех и помогал всем, понимая, что медработники ведут это хозяйство бесплатно, на энтузиазме, для пользы дела. А ведь еще была при больнице всякая живность: лошади, коровы, поросята, куры, утки и даже – запомнившийся многим – козел. А козел для того, чтобы ласка не завелась – боится ласка козлиного духа.

Была у Покровского любимая лошадь по кличке Нота. И по району ездить (за отсутствием машин), и на скачках участвовать на шекснинском ипподроме. К слову, на скачках легендарный хирург занимал первые места.

Но, как говорится, делу – время, потехе – час. А дел в больнице всегда много. И потому, чтобы кому-то попозже прийти или пораньше уйти – и речи быть не могло. А если медсестра на ночном дежурстве прикорнет, а Покровский узнает (он мог и ночью прийти проверить, что и как) – выговор обеспечен. Это ночное дежурство, кстати говоря, тоже было бесплатным.

Главврач был требователен ко всем. Например, все медсестры должны были владеть различными вспомогательными операциями – и гипс приготовить, и наркоз сделать, и прочие манипуляции выполнить. «Чтобы всё всегда было наготове!» – требовал Николай Александрович. «Аппарат Боброва» был в то время один на район. Как только его использовали, нужно сразу же прокипятить, чтобы он был готов к следующему применению. Покровский объяснял такую готовность тем, что Шексна находится на берегу реки, и в случае нештатной ситуации больные могут поступать десятками.

Покровский всех приучал к дисциплине, которая была для него превыше всего. Мария Леонтьевна Травина, работавшая при Покровском старшей медсестрой, вспоминает, как главврач говорил ей: «Чтобы ты цербером была в больнице!». И сам умел цербером быть, и дисциплину поставить. Порой мог сгоряча даже и обидеть кого-нибудь из медперсонала, но через пять минут уже подходил со словами: «Милочка...». Понятно, что он не хотел обижать...

Но в жизни Николай Александрович Покровский был добрый интеллигентный человек. «Голубчик, Гурий Устинович, нечем больных кормить, нет мяса», – бывало, звонит он председателю колхоза. Ну кто же после такого обращения ему откажет?

И за всеми этими каждодневными делами и заботами, операциями и ремонтом больницы, приемом больных и работой с кадрами был же еще другой человек – Покровский-муж и Покровский-отец. И этот-то «другой человек» меньше доступен взгляду со стороны.

«Нюрочка», – так он всегда называл свою жену. Познакомился он с ней еще во время учебы в фельдшерском медицинском училище, хотя женились они в 30-е годы. Анна Алексеевна была из музыкальной семьи – многие ее родственники были профессиональными музыкантами или преподавателями музыки. Сама она, говорят, была полная противоположность мужу – яркому, энергичному, строгому и требовательному Покровскому. Анна Алексеевна, как вспоминают знавшие её, была тихая умница, скромница. Она органично дополняла характер Николая Александровича, давая ему то, что так необходимо кипучему трудолику – тепло домашнего очага.

Анна Алексеевна всегда заботилась о нем – чтобы он был накормлен, обстиран, ухожен. Хотя хозяйство (поначалу жили в Чуровском, там были пасека и корова) вести особенно не могла – Покровский сам им занимался. Но самое главное, что давала ему жена – это ощущение уверенности, ощущение того, что его любят, понимают и всегда поддержат. В браке с Анной Алексеевной у них родилось двое детей. Но, к сожалению, сын Вадим умер от скарлатины в полгода, а вот дочь Лидия сейчас на пенсии – живет в Череповце. Она всю жизнь проработала врачом – детским окулистом или, как принято сейчас говорить, узким специалистом....

В отличие от отца, который был универсальным работником. В глубинке таким – цены нет! Он был не только хирургом, но еще и терапевтом, и гинекологом, и педиатром. И операции мог выполнять самые разнообразные: трепанация черепа, кесарево сечение, удаление вен и зоба, резекция желудка (язвы), лечение остеомиелита, исправление врожденного косопалия... Он делал всё! Единственное, за что не брался, так это операции на сердце. А чтобы от остальных операций отказаться по незнанию, такого не бывало.

Однажды привезли скотника, всего потрепанного, исколотого рогами быка. Операция длилась всю ночь, на наркоз ушло целых 4 флакона эфира. Скотник выздоровел.

А как-то пришел тракторист с опухшей и почерневшей рукой. Прорвало какую-то трубу с маслом, а он решил трактор не глушить – русский человек – и на ходу зажал трубу ладонью. Но масло под давлением пробило кисть, началось заражение крови. Да ведь не сразу и обратился тракторист – в Вологде лечился, но и там ему отказали: не знали, как лечить. А Покровский вылечил.

И не только умением своим лечил Николай Александрович больных, но еще и самим обращением с ними, доброжелательностью, отзывчивостью. Каждого больного называл по имени-отчеству. А если поступает новый больной – откуда бы ни был – каждому делали ванну, для чего специально кипятили воду в большом котле. Чистота для хирурга была правилом номер один.

Отпуск Николай Александрович всегда брал в сентябре и ехал к себе на родину, в Вашкинский район. Брал с собой тару (для дичи, для ягод), двух собак. Любил охоту, иногда за раз набивал по 18 уток. Но и в отпуске ему приходилось работать. Люди, прознав, что в их краях Покровский, спешили к нему со своими болячками. И он принимал, никому не отказывал, – разумеется, совершенно бескорыстно. Придет какая-нибудь женщина, осмотрит ее Покровский, скажет, как и чем лечиться. А она в благодарность ему ведро ягод тащит. «И ее убирай, и сама убирайся», – строго, но шутливо говорит врач.

Покровский стал сдавать, когда ему перевалило за шестьдесят. На июльском сенокосе 1963 года он уже не брал в руки косу, тяжело больной сидел на пригорке и наблюдал, как ловко работают мужики. А ведь до этого ни один покос без него не обходился.

Здоровье Николая Александровича стремительно ухудшалось. «Вот здесь у меня рачок», – говорил он, показывая себе на грудь. Догадывался о своем недуге. А его берегли, не хотели говорить ему этот страшный диагноз. Даже снимки показывали старые. «Да ведь здесь я молодой», – и тут догадывался. Тогда коллеги решили сказать, что это у него туберкулез, и лечили как будто от чахотки. А был у него рак легких и метастазы в позвоночнике. Вскоре он уже не мог ходить. «Николай Александрович, да это стрептомицин дал осложнение на ноги», – говорили ему. Но разве обманешь опытного врача?

За двадцать дней до смерти положили в хирургическое отделение, где он столько людей поднял на ноги. А теперь – кто его поднимет? Отдельная палата, медперсонал круглосуточно рядом. Но он уже понимает, что дни его сочтены. И планы свои передает Тамаре Александровне Шкипаревой, которая оставалась после него главврачом. И вот в ночь с 7 на 8 октября 1963 года Николая Александровича Покровского не стало.

Таких похорон, какие были тогда, в октябре 1963 года, больше не было в Шексне. Тысячи людей пришли проводить в последний путь Николая Александровича Покровского. Море цветов – осень тогда была поздняя, цветы сохранились. Глядя на скорбные фотографии, на огромную печальную процессию, можно подумать, что хоронят кого-то из великих людей – так много пришло народа проводить в последний путь доктора Покровского.